

и споры были столь же жаркие, сколько и продолжительные. С Герценом прения были более философские и политические. Начинались они всегда очень дружелюбно и спокойно, но часто кончались настоящими словесными дуэлями: борцы горячились и расставались с неприятными чувствами друг против друга. Грановский, Н.Ф. Павлов и другие усердно поддерживали Герцена*.

А.И. Кошелев

II**

Возвратившись из Новгорода в Москву, я застал оба стана на барьере. Славяне были в полном боевом порядке, со своей легкой кавалерией под начальством Хомякова и чрезвычайно тяжелой пехотой Шевырева и Погодина, со своими застрельщиками, охотниками, ультраякобинцами, отвергавшими все бывшее после киевского периода, и умеренными жирондистами, отвергавшими только петербургский период; у них были свои кафедры в университете, свое ежемесячное обозрение, выходившее всегда два месяца позже, но все же выходившее. При главном корпусе состояли православные гегельянцы, византийские богословы, мистические поэты, множество женщин и пр., и пр.

Война наша сильно занимала литературные салоны в Москве. Вообще Москва входила тогда в ту эпоху возбужденности умственных интересов, когда литературные вопросы, за невозможностью политических, становятся вопросами жизни. Появление замечатель-

* Необходимым дополнением к воспоминаниям А.И. Кошелева служат главы XXIX и XXX, часть IV, «Былое и думы» Герцена; статья П.В. Анненкова — Замечательное десятилетие — в его «Литературных воспоминаниях» (изд. Academia); Воспоминания И.И. Панаева (изд. Academia); сочинения П. Вяземского, т. VIII, — с. 284—5, 288—292.

** «Былое и думы».

ной книги составляло событие; критики и антикритики читались и комментировались с тем вниманием, с которым, *бывало*, в Англии или во Франции следили за парламентскими прениями. Подавленность всех других сфер человеческой деятельности бросала образованную часть общества в книжный мир, и в нем одном действительно совершался глухо и полусловами протест против гнета.

В лице Грановского московское общество приветствовало рвущуюся к свободе мысль Запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее. В лице славянофилов оно протестовало против оскорблённого чувства народности.

Говоря о московских гостиных и столовых, я говорю о тех, в которых некогда царил А.С. Пушкин, где до нас декабристы давали тон, где смеялся Грибоедов, где М.Ф. Орлов и А.П. Ермолов встречали дружеский привет, потому что они были в опале; где, наконец, А.С. Хомяков спорил до четырех часов утра, начавши в девять; где К. Аксаков с мурмолкой в руке свирепствовал за Москву, на которую никто не нападал, и никогда не брал в руки бокала шампанского, чтоб не сотворить тайно моление и тост, который все знали; где Редкин выводил логически личного Бога, *ad majorem gloriam Hegely*, где Грановский являлся со своей тихой, но твердой речью, где все помнили Бакунина и Станкевича, где Чадаев, тщательно одетый, с нежным, как из воска, лицом, сердил оторопевших аристократов и православных славян колкими замечаниями, всегда отлитыми в оригинальную форму и намеренно замороженными; где молодой старик А.И. Тургенев мило сплетничал обо всех знаменитостях Европы, от Шатобриана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Варнгаген; где Боткин и Крюков *пантеистически* наслаждались рассказами М.С. Щепкина, и куда, наконец, иногда

падал, как конгревова ракета, Белинский, выжигая кругом все, что попадало*.

Москва сороковых годов принимала деятельное участие за мурмолки и против них; барыни и барышни читали статьи очень скучные, слушали прения очень длинные, спорили сами за К. Аксакова или за Грановского, жалея только, что Аксаков слишком славянин, а Грановский недостаточно патриот.

Споры возобновлялись на всех литературных и не литературных вечерах, на которых мы встречались, — а это было раза два или три в неделю. В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у А.П. Елагиной.

Сверх участников в спорах, сверх людей, имевших мнения, на эти вечера приезжали охотники, даже охотницы, и сидели до двух часов ночи, чтобы посмотреть,

* Ср. в письме Ю. Самарина 1840 года: «Было много споров. Главные схватки: а) Шевырева с Крюковым о том, можно ли молиться богу Гегеля! Шевырев подрезан с ног славно. б) Шевырева с Редким о первобытном состоянии человека. Редкин спорил прекрасно. Шевырев прикрыл постыдное отступление криками и общими местами, но он должен был погибнуть совершенно, если бы не вмешался (М.А.) Дмитриев и не отвлек Редкина. с) Спор Редкина с Дмитриевым о том же. Дмитриев мистик несносный; вздумал в споре философском приводить тексты, и спор дошел было до личностей. д) Наконец, мой спор с Орловым, вздумавшим излагать мне какую-то свою систему. И удалось мне, смиренному Давиду, повалить грозного Голиафа!.. Мне нужно вас видеть до воскресной сходки». Сочинения, т. XII, с. 21. В письме 1835 года одного из участников московских кружков читаем: «Мы собираемся по пятницам у Свербеевых, по воскресениям — у Киреевского, иногда по четвергам — у Кошелевых и время от времени у Баратынского. Два, три раза в неделю мы все в сборе, дамы — непременные участницы наших бесед, и мы проводим время как нельзя веселее: Хомяков спорит, Киреевский поучает, Кошелев рассказывает, Баратынский поэтизирует, Чаадаев проповедует или возводит очи к небу, Герке дурачится, Мещерский молчит, мы остальные слушаем». Биография А.И. Кошелева, т. I, кн. II, с. 227—228.

кто из матадоров кого отдаляет и как отдалят его самого; приезжали в том роде, как встарь ездили на кулачные бой и в амфитеатр, что за Рогожской заставой*.

А.И. Герцен

САЛОН А.П. ЕЛАГИНОЙ**

С тридцатых годов и до нового царствования дом и салон Авдотьи Петровны Елагиной были одним из наиболее любимых и посещаемых средоточий русских литературных и научных деятелей. Все, что было в Москве интеллигентного, просвещенного и талантливого, съезжалось сюда по воскресеньям. Приезжавшие в Москву знаменитости, русские и иностранцы, являлись в салон Елагиных. В нем преобладало славяно-фильское направление, но это не мешало постоянно посещать вечера Елагиных людям самых различных верований до тех пор, пока литературные партии не разделились на два неприязненных лагеря — славяно-филов и западников, что случилось в половине сороковых годов. Блестящие московские салоны и кружки того времени служили выражением господствовавших в русской интеллигенции литературных направлений, научных и философских взглядов. Это известно всем и каждому. Менее известны, но не менее важны были

* Следует дополнить список московских гостиных, где встречалась дворянская интеллигенция, указав, напр., на дома Н. Мельгунова, М.Н. Загоскина, Сушкива, Ховриных, Сенявиных. См. Ю. Самарин. Сочинения, т. XII, с. 36, 39, 43; в автобиографии Я. Неверова, опубликованной мной в «Вестнике Воспитания», 1915, сент., с. 115; С.М. Загоскин. «Воспоминания» — в «Историческом Вестнике», 1900, № 1, с. 75—76; № 2, с. 526—527.

** Собрание сочинений К.Д. Кавелина, т. III. СПб., 1899, с. 1120—1127.